...тарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Всер. Раб. Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

ИСКРИЗМЪ.

Изданіе Всеобщаго-Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

Цѣна: 10 сент.

ЖЕНЕВА

Imprimerie Israélite. Rue de Carouge 51. Genève, Suisse.

Ноябрь 1904.

45

223820

ИСКРИЗМЪ.

I.

Чтобы выяснить себѣ первоисточникъ „внутреннихъ трепій“ въ „Росс. Партіи“, иными словами, происхожденіе искризма — направленія, заполонившаго почти всю русскую соціалдемократію, мы должны перепестись въ 1900 годъ.

Въ концѣ 1900 года — время образованія литературной группы, начавшей издавать „Искру“ — положеніе было таково. „...Политическое возбужденіе, охватившее русское общество къ концу 1900 года и выразившееся прежде всего въ студенческихъ волненіяхъ, приковавшихъ къ себѣ вниманіе всѣхъ свободолюбивыхъ элементовъ, на практикѣ показало, какъ при данныхъ условіяхъ соціалдемократія стушевывается передъ демократическимъ движеніемъ, а рабочій классъ играетъ роль не самостоятельнаго борца за свободу, ведущаго свою особую классовую политику, а лишь чисто физической силы, поддерживающей буржуазную демократію“. Такъ изображаетъ дѣло „докладъ делегаціи ‚Росс. П.‘ международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ“. Казалось бы, отсюда слѣдовала необходимость начать широкую политическую агитацію и вообще повести систематическую всестороннюю работу среди рабочаго класса, въ разсчетѣ на то, что онъ такимъ путемъ постепенно подготовится къ роли „самостоятельнаго борца, ведущаго свою особую классовую политику“. Но тутъ сказалась традиціонная черта, проходящая красною нитью черезъ всѣ періоды русскаго революціоннаго движенія: оторванность интеллигенціи отъ народныхъ массъ. „Послѣдніе годы, — читаемъ мы въ редакціонномъ извѣщеніи о предпринятомъ изданіи „Искры“, — характе-

ризуются поразительно быстрымъ распространеніемъ соціалдемократическихъ идей среди нашей интеллигенціи, а на встрѣчу этому теченію общественной мысли идетъ самостоятельно возникшее движеніе промышленнаго пролетаріата, который начинаетъ объединяться и бороться противъ своихъ угнетателей, начинаетъ съ жадностью стремитьс къ соціализму". Было движеніе среди рабочихъ, была интеллигенція—носительница опредѣленнаго теченія „общественной мысли", не было только или, вѣрнѣе, почти не было идейной и организаціонной связи между ними; проблема соединенія интеллигенціи съ массой, никогда не сходившая съ очереди въ прежніе періоды революціоннаго движенія, оставалась неразрѣшенной; какъ прежде интеллигенція искала народъ и его не находила, такъ и теперь она, въ лицѣ ея соціалдемократическихъ элементовъ, продолжала свои поиски въ томъ же направленіи и почти съ тѣмъ же успѣхомъ.

Соціалдемократическая интеллигенція очутилась между двумя самостоятельно идущими теченіями: съ одной стороды, рабочее движеніе, почти лишенное политической окраски, съ другой — сознательно направленное противъ самодержавія демократическое движеніе, въ высокой степени стимулировавшееся выступленіемъ на историческую сцену рабочихъ массъ. Сдавленная между этими параллельными теченіями, увлекаемая подъемомъ политическаго настроенія, соціалдемократическая интеллигенція начала обнаруживать тенденцію въ сторону демократіи и буржуазно-политическаго радикализма.

Въ этотъ моментъ выступила „литературная группа". Съ первыхъ же шаговъ она обнаружила неспособность — неспособность, объясняющуюся объективными условіями — отнестись къ факту оторванности интеллигенціи отъ массы съ той серьезностью, котораго онъ заслуживалъ; этотъ фактъ былъ первороднымъ грѣхомъ русскаго революціоннаго движенія, онъ заранѣе осуждалъ на безплодіе всякое начинаніе, направленное противъ существующаго строя, онъ долженъ былъ сдѣлаться центромъ вниманія соціал-

демократіи, на его устраненіе должны были быть направлены всѣ ея усилія; правда, тѣмъ временемъ часть интеллигенціи могла бы уйти изъ рядовъ соціалдемократіи, осуществленіе мечты взять на буксирѣ либеральную оппозицію отодвинулось бы, но эти мнимыя потери окупились бы сторицею: была бы создана та организованная сила массъ, безъ которой соціалдемократія нуль въ общественномъ смыслѣ, хотя бы она была вооружена лучшей въ мірѣ программой и самой что ни на есть совершенной тактикой, что, впрочемъ, при отсутствіи органической связи съ массой совершенно невозможно; была бы создана сила, которая одновременно служила бы центромъ притяженія интеллигенціи и будила и толкала бы впередъ либеральную оппозицію. Теперь ни одна цѣль не достигнута: удержать главную массу интеллигенціи въ рядахъ соціалдемократіи не удалось, буржуазная демократія подъ начало „Искры“ не пошла, рабочая масса не организована.

Этотъ результатъ былъ неизбѣженъ. Надъ „литературной группой“ тяготѣлъ традиціонный, выработанный всѣмъ ходомъ русской жизни, взглядъ на интеллигенцію, какъ на источникъ всякаго движенія, всякаго свѣта; этотъ взглядъ пріобрѣталъ особенное значеніе въ повышенной атмосферѣ студенческихъ волненій, когда интеллигенція выступала какъ носительница идеи политическаго освобожденія въ противоположность пролетаріату, обнаруживавшему лишь слабые признаки политическаго пробужденія. Поэтому „литературная группа“ не смогла направить свое вниманіе въ надлежащую сторону и не сумѣла правильно оцѣнить дѣятельность „экономистовъ“, въ которой было одно безспорно здоровое зерно: это — попытка пробить брешь въ стѣнѣ, отдѣлявшей массу отъ интеллигенціи; „экономизмъ“ подвергся огульному осужденію, вмѣстѣ съ его теоретическими и практическими заблужденіями была выброшена за бортъ и цѣнная идея о самодѣятельности пролетаріата, о которой теперь говорятъ какъ о чемъ-то само собою разумѣющемся, но которая до недавняго времени считалась въ высшей степени еретической.

„Литературная группа" концентрировала все свое вниманіе на смятеніи въ рядахъ соц.-дем. интеллигенціи и ростѣ демократическаго движенія, которое, какъ ей казалось, грозило подчинить себѣ политически-незрѣлый рабочій классъ, какъ „чисто-физическую силу"; перспектива перевернулась, и предъ ней встали двѣ, неразрывно между собой связанныя, задачи: удержать въ рядахъ соціалдемократіи ускользавшую изъ-подъ ея вліянія интеллигенцію и взять въ свои руки руководство демократическимъ движеніемъ. Это была утопія, но утопія, какъ мы видѣли, неизбѣжная, надолго опредѣлившая собою направленіе дѣятельности русской соціалдемократіи.

Чтобы взять въ свои руки демократическое движеніе, нужно раздвинуть рамки соціалдемократіи такъ, чтобы въ ней могли умѣститься и демократическіе элементы, нужно предоставить имъ страницы своей газеты, нужно постоянно выдвигать то, что только интересуетъ демократовъ, именно „политику", и оставлять въ тѣни всѣ другія стороны рабочаго движенія, а если ужъ приходится заговаривать объ нихъ, то всячески умалять ихъ значеніе, нужно, наконецъ, предостерегать отъ того, чтобы не смѣшивали соціалдемократіи съ рабочимъ движеніемъ.

Чтобы удержать въ рядахъ соціалдемократіи всю интеллигенцію вопреки противодѣйствующимъ общественнымъ вліяніямъ, недостаточно подчинить себѣ демократическое движеніе, недостаточно также распространять идеи соціализма и подвергать критикѣ теоретическія заблужденія въ области марксизма, нужно также дѣйствовать на психологію интеллигенціи, терроризировать ее, поражая ея воображеніе страшными „жупелами", гипнотизируя ее безконечнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же „словечекъ" и систематическимъ доведеніемъ до абсурда взглядовъ своихъ противниковъ по методу „перегибанія палки"; нужно, наконецъ, ошельмовать и, если можно, то выбросить неудобные элементы, чтобы сохранить вліяніе на главную массу, нужно, иначе говоря, „размежеваться".

Но какъ быть съ „партіей", когда нѣтъ связей съ ра-

бочими, когда имѣешь въ рукахъ только синицу — интеллигенцію, а въ небѣ журавля—демократію? Очень просто: партія „строится“, какъ строится домъ, какъ строится еще очень многое на свѣтѣ. Нуженъ только „планъ“, а „планъ“ подъ рукою и выражается однимъ словомъ: газета! Газета группируетъ вокругъ себя цѣлый штатъ корреспондентовъ, распространителей, агитаторовъ, несущихъ въ массу газетное слово, пропагандистовъ, организующихъ кружки для изученія газетнаго матеріала, и пр. и пр. Все это растетъ, ширится, множится и выростаетъ въ цѣлую армію. Газета организуетъ, собираетъ, агитируетъ: „партія“ готова!

Указанная нами программа уже содержится въ общихъ чертахъ въ цитированномъ выше извѣщеніи „литературной группы“, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ.

„Мы понимаемъ ее (соціалдемократію), какъ направленную противъ абсолютизма революціонную партію, неразрывно связанную съ рабочимъ движеніемъ. Только организованный въ такую партію пролетаріатъ, этотъ наиболѣе революціонный классъ современной Россіи, въ состояніи будетъ исполнить лежащую на немъ историческую задачу: объединить подъ своимъ знаменемъ всѣ демократическіе элементы страны и завершить борьбу цѣлаго ряда погибшихъ поколѣній конечнымъ торжествомъ надъ ненавистнымъ режимомъ“. Яснѣе нельзя выразиться: соціалдемократія должна раздвинуться и принять въ себя („объединить *подъ своимъ знаменемъ*“) „всѣ демократическіе элементы страны“; соціалдемократія не идентична съ рабочимъ движеніемъ, подъ которымъ подразумѣвается не та или другая фаза движенія, а „движеніе въ цѣломъ“, употребляя терминъ „Искры“; наоборотъ, она представляетъ собою силу, стоящую внѣ рабочаго движенія, только „связанную“ съ нимъ, хотя и „неразрывно“—разновидность лассальянской, давно осужденной, идеи о „союзѣ науки и труда“; наконецъ, одна изъ многихъ задачъ пролетаріата, хотя и очень важная, задача сверженія самодержавія, возводится въ основной признакъ соціалдемократіи, которая, такимъ образомъ,

превращается въ „направленную противъ абсолютизма революціонную партію“; здѣсь уже заключается зародышъ искровскаго увлеченія „политицизмомъ“, пришедшимъ на смѣну доискровскаго „экономизма“, сквозитъ уже тенденція, впослѣдствіи развившаяся, строить тактику и организацію пролетаріата исключительно въ примѣненіи къ политической задачѣ борьбы противъ абсолютизма.

Соціалдемократическая газета „расширяется“ до предѣловъ общеполитической газеты: „Мы обращаемъ свой призывъ не только къ соціалистамъ и сознательнымъ рабочимъ. Мы призываемъ также всѣхъ, кого гнететъ и давитъ современный политическій строй. Мы предлагаемъ имъ страницы нашихъ изданій для разоблаченія всѣхъ гнусностей русскаго самодержавія“.

„Соціалдемократическая почта“, какъ исходная точка партійнаго „строительства“: „Необходимо... выработать организацію, спеціально посвященную сношеніямъ между всѣми центрами движенія, доставкѣ полныхъ и своевременныхъ свѣдѣній о движеніи и правильному снабженію періодической прессой всѣхъ концовъ Россіи. Только тогда, когда выработается такая организація, когда будетъ создана русская соціалдемократическая почта, партія получитъ прочное существованіе и станетъ реальнымъ фактомъ, а слѣд. и могущественной политической силой“.

Объединеніе черезъ разъединеніе: „Прежде чѣмъ объединяться и для того, чтобы объединяться, мы должны сначала рѣшительно и опредѣленно размежеваться“. Что „размежеваніе“ здѣсь нужно было понимать не только въ идейномъ смыслѣ, что врядъ ли вызывало бы возраженія, но и въ физическомъ, механическомъ смыслѣ -- показала вся организаціонная практика „Искры“.

То, что въ редакціонномъ извѣщеніи заключается въ зародышѣ, подверглось обстоятельной разработкѣ и развитію въ разныхъ статьяхъ „Искры“, а для увѣнчанія зданія были сочинены самобытныя теоріи, какъ напр. теорія „хожденія во всѣ классы населенія“ и выработки положительныхъ программъ для разныхъ слоевъ либеральной демо-

кратіи, ученіе объ отношеніи между стихійностью и сознательностью, сущность котораго сводится къ тому, что рабочее движеніе, „предоставленное самому себѣ“, лишенное благодати интеллигентскаго духа, инстинктивно влечется къ подчиненію буржуазной демократіи, и что миссія интеллигенціи „совлекать“ его съ этого пути, денно и нощно бодрствуя надъ пролетарскимъ сознаніемъ, по своей природѣ склоннымъ впадать въ ш бки.

Было бы, однако, ошибочно думать, что программа, намѣченная въ редакціонномъ извѣщеніи, проводилась „Искрой“ вполнѣ послѣдовательно. Нѣтъ, цѣльность „плана“ неоднократно нарушалась давленіемъ жизни, отъ котораго не была и не могла быть свободна „литературная группа“. Особенно ясно обнаруживалась безпочвенность „Искры“, когда она спускалась съ высотъ абстракціи на землю и пыталась давать „практическіе совѣты“; тутъ-то сказывалось во всей силѣ отсутствіе у нея того пониманія дѣйствительности и того практическаго чутья, которыя даются только тѣсной связью съ массовымъ движеніемъ, но которыхъ не можетъ замѣнить никакая теоретическая подготовка. Противорѣчія, принципіальная невыдержанность, резонерство въ практическихъ вопросахъ, доходящее до смѣшного, практическій оппортунизмъ — составляютъ также отличительную черту „Искры“.

Безпочвенность „Искры“ создала въ ея руководителяхъ и адептахъ особое умственное настроеніе, которое лучше всего выражается въ своеобразномъ пониманіи взаимоотношенія теоріи и практики: практика, „по общему правилу“, ошибается, теорія періодически въ нее вмѣшивается и исправляетъ ея ошибки. Воображаемый антагонизмъ между теоріей и практикой никогда не былъ формулированъ „Искрой“, не былъ возведенъ ею въ „правило“, но онъ, тѣмъ не менѣе, проходитъ красной нитью черезъ всю литературную и практическую дѣятельность „Искры“, проходитъ не какъ „теорія“, а какъ настроеніе, которое тѣмъ больше искажаетъ нашу дѣятельность, чѣмъ меньше мы его сознаемъ. Это умственное настроеніе, которое разви-

лось только съ теченіемъ времени, прибавляло новый, довольно значительный, минусъ къ недочетамъ общей искровской позиціи, и, рядомъ съ другими факторами, вы можете прослѣдить его вліяніе повсюду.

Организаціонный уставъ, принятый II съѣздомъ „Росс. Партіи", въ существенной своей части является ничѣмъ инымъ, какъ логическимъ развитіемъ абстрактной идеи централизма, системой, измышленной въ четырехъ стѣнахъ кабинета безъ всякаго вниманія къ потребностямъ жизни, которыя для изобрѣтателей этой системы, повидимому, совершенно стушевались передъ „стройностью", „ясностью" и „простотою" „плана". Критика этого устава „меньшинствомъ" также исходила, главнымъ образомъ, изъ абстрактныхъ понятій о „кружкѣ" и „партіи", результаты, полученные путемъ дедукціи, не провѣрялись на фактахъ дѣйствительности,—по крайней мѣрѣ, попытки этого рода были слабы, рѣдки, ничтожны и тонули въ кучѣ схоластики.

Въ основу организаціонной политики „Искры" была положена идея о томъ, что выработанныя практикой организаціи являются „искусственными" соединеніями, подлежащими разложенію на „атомы", для образованія изъ освободившихся „жизнеспособныхъ элементовъ" новыхъ соединеній („Искра" № 56, „На очереди"). Соотвѣтственно этому организаціонная политика велась подъ флагомъ механическаго „размежеванія": вмѣсто того, чтобы воспользоваться существующими организаціями, уже успѣвшими пустить кое-какіе корни въ рабочей средѣ, для расширенія и углубленія соціалдемократической работы, „Искра" безжалостно разрушала исторически сложившіяся организаціи, насаждая одновременно свои группы, которымъ предстояло начать сначала трудную и кропотливую работу налаживанія связей въ рабочей массѣ. „Размежеваніе" шло по всей линіи, и въ короткое время были уничтожены стоившіе столькихъ жертвъ и усилій начатки организаціоннаго базиса соціалдемократіи, а при томъ подозрительномъ отношеніи къ самодѣятельности пролетаріата, кото-

рое господствовало среди искровцевъ, работы по возведенію новаго фундамента или совсѣмъ не велись, или велись вяло, неумѣло и безрезультатно. Изъ того, что „Искрѣ“ удалось безъ особеннаго труда уничтожить старыя организаціи, обыкновенно умозаключаютъ къ ихъ нежизнеспособности. По нашему мнѣнію, это глубокая ошибка: въ первомъ періодѣ движенія, когда рабочая масса несознательна и неорганизована, организаціи, являющіяся по своему составу почти исключительно интеллигентскими, связаны съ массой лишь слабыми и рѣдкими нитями, а роль интеллигенціи въ движеніи неномѣрно велика, — достаточно напора группы спѣвшихся талантливыхъ литераторовъ, чтобы снести организаціонные эмбріоны. Разрушительная политика „Искры“ въ области организаціи — самая темная страница въ исторіи искровства — нанесла огромный вредъ русскому рабочему движенію, вредъ, слѣды котораго еще не такъ скоро изгладятся.

Если къ сказанному мы добавимъ, что политическая практика „Искры“, по ея собственному признанію (напр., № 55 фельетонъ и № 77 приложеніе), была „слишкомъ слабо окрашена пролетарскимъ соціализмомъ“, что выразилось, между прочимъ, въ гоненіи на экономическую борьбу, что ея политика по отношенію къ окраинымъ организаціямъ была вѣрнымъ отраженіемъ ея организаціонной политики вообще и основывалась на идеѣ абстрактнаго централизма, что благодаря своей оторванности отъ массы, она часто теряла чувство мѣры, раздувая мало стоющія вещи въ дѣла первостепенной важности, — то мы закончимъ характеристику искризма, не претендуя, конечно, на полноту, которая въ предѣлахъ журнальной статьи невозможна.

II.

Послѣ II съѣзда „Росс. Партіи“ началась критика искризма—сначала въ „подпольной“ литературѣ „меньшинства“, потомъ, съ перемѣною редакціи, на страницахъ „Искры“ и въ брошюрахъ. Были разрушены нѣкоторые

особенно вредные предразсудки стараго искровства, какъ „теорія“ объ отношеніи между стихійностью и сознательностью и организаціонная утопія, изложенная въ статьѣ „Съ чего начать“, ученіе о „построеніи“ партіи сверху. Не мало вниманія новая „Искра“ удѣляла и популяризаціи идеи самодѣятельности пролетаріата. Какъ ни элементарна эта идея, какъ она ни кажется азбучной бундовцу и всякому члену дѣйствительной пролетарской организаціи, тѣмъ не менѣе было время—и очень недавнее—когда она считалась въ искровской организаціи страшной ересью, за которую людей отлучали отъ революціоннаго соціализма и ввергали въ адъ, наполненный „хвостистами“ и „экономистами“, и приходится уже вмѣнять въ заслугу людямъ то, что они вытащили изъ архива старый лозунгъ „къ массамъ“, что они начали вбарабанивать въ головы людей, преисполненныхъ искровскихъ антипролетарскихъ навыковъ, маленькую и простую мысль, что сила соціалдемократіи въ организованности массъ.

Нужно, однако, признать, что критика искризма на страницахъ „Искры“ страдаетъ неполнотою, недостаточностью, поверхностностью и вообще половинчатостью, что придаетъ физіономіи новой „Искры“ характеръ чего-то неопредѣленнаго, расплывчатаго и сумбурнаго.

Возьмемъ, напр., брошюру „Наши политическія задачи“, представляющую сводку искровской критики искровства. Какъ тамъ изображается дѣятельность „Искры“ до II съѣзда? „Искра“ собирала, терроризировала и гипнотизировала интеллигенцію, дѣлала великое и безусловно необходимое дѣло, дѣлала то, что только и должна была дѣлать, ибо исполняла миссію, возложенную на нее исторіей. Правда, она впадала при этомъ въ такія-то и такія-то ошибки,—что было, конечно, нехорошо—, но эти ошибки вытекали только изъ противорѣчія между „субъективнымъ“ и „объективнымъ“, между хотѣніями и дѣйствіями: хотѣла она „строить“ партію, а на самомъ дѣлѣ собирала интеллигенцію, думала, — какъ выразился одинъ сторонникъ „меньшинства“, — ѣхать въ Казань, а поѣхала въ Москву;

понятно, что „планъ", выработанный для казанскихъ условій, оказался не вполнѣ пригоднымъ для Москвы, и это неосознанное несовершенство „плана" отразилось также нѣкоторыми несовершенствами и на ея дѣятельности. Что касается Ленина, то вся его ошибка въ томъ, что онъ не понялъ своевременно, что II съѣздъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи искровства, что на этомъ съѣздѣ кончился періодъ „самоопредѣленія принциповъ" въ лицѣ интеллигенціи и начался періодъ „самоопредѣленія" пролетаріата, а не понявъ натворилъ массу такихъ-то и такихъ-то глупостей. Такимъ образомъ, попытка объяснить дѣятельность „Искры" до II съѣзда, какъ неизбѣжную фазу движенія, благополучно кончается ея оправданіемъ и санкціонированіемъ. Въ прошломъ все было не только неизбѣжно (противъ этого не спорятъ), но и хорошо, за вычетомъ нѣкоторыхъ ошибокъ, которыя вытекали только изъ конфликта между дѣятельностью искровцевъ и ихъ сознаніемъ. При такомъ пониманіи перваго періода искризма мудрено извлечь изъ него какіе-нибудь дѣйствительно полезные уроки для будущаго. Такъ писать исторію значитъ не только не отказываться отъ „искровскаго наслѣдства", но, наоборотъ, впадать въ апологію искризма, которая, къ слову сказать, вовсе не исключаетъ критики его, но критики, скользящей по поверхности, никогда не добирающейся до корня зла.

Сумбурность новой „Искры", проистекающая отъ половинчатой критики искризма, еще увеличивается въ значительной степени постоянными противорѣчіями и частымъ возвращеніемъ къ старому.

Хорошей иллюстраціей неустойчивости новой „Искры" и ея склонности къ атавизму могутъ служить замѣчанія т. Л. М. на статью т. П. Борисова „По поводу новаго предпріятія" (№ 77 „Искры", отдѣльное приложеніе). Читая эти замѣчанія, просто поражаешься, до какой степени живъ еще искризмъ, и невольно восклицаешь: по существу это отбой по всей линіи! Разочарованіе въ „искровскомъ наслѣдствѣ", оказывается, неосновательно; завѣщанные „ис-

кровскимъ періодомъ" лозунги хороши, бѣда только въ томъ, что ихъ „фетишистически" воспринимаютъ; органическая связь съ массой тоже недурна, но только если обладаешь „выдержанной тактикой", такъ и сказано: *выдержанной* тактикой! Одинъ изъ самыхъ вредныхъ искровскихъ предразсудковъ, предразсудокъ о томъ, что можно выработать „выдержанную" тактику внѣ связи съ массой, снова вытаскивается на свѣтъ божій и, какъ ни въ чемъ не бывало, демонстрируется передъ „партійными работниками", какъ безошибочное откровеніе искровскаго духа! Тактика есть система пріемовъ практической политики, спрашивается, какимъ образомъ она можетъ правильно функціонировать внѣ той массовой стихіи, на которую она нарочито разсчитана, ибо соціалдемократія вѣдь есть партія рабочихъ массъ, а не „верховъ"? „Ортодоксальная" программа можетъ дать только самыя общія тактическія директивы, умѣнье же пользоваться ими безъ зигзаговъ, скачковъ и бросаній изъ стороны въ сторону, иными словами, выдержанность въ области тактики, вырабатывается и сохраняется только при условіи постояннаго и тѣснаго контакта съ массой, только при наличности такого регулятора, какъ массовое движеніе, все равно какъ искусство управлять рулемъ еще не дается общими свѣдѣніями о назначеніи и свойствахъ руля, а пріобрѣтается постепенно по мѣрѣ того, какъ рулевой осваивается съ водной стихіей, къ которой приходится прилагать принципы управленія рулемъ, и сохраняется лишь постольку, поскольку не теряется связь съ той стихіей, черезъ которую приходится направлять корабль. Со всѣмъ этимъ, кажется, уже было соглашались, и вдр гъ опять все ставится вверхъ ногами, и то, что можетъ быть только слѣдствіемъ органической связи съ массой, выставляется какъ необходимое предварительное условіе этой связи!

Органическая связь съ массой не должна быть понимаема „въ смыслѣ пониженія партійныхъ задачъ до наличнаго уровня сознанія той или другой части этой массы при данныхъ условіяхъ". Кто повиненъ теперь въ такомъ

пониманіи? Противъ кого тутъ борятся? Кому нужны эти давно забытыя, вытащенныя изъ арсенала старой „Искры", указанія на несуществующую опасность?

Соціалдемократическая работа „настоятельно нуждается въ общихъ руководящихъ идеяхъ", „скептицизмъ ко всѣмъ и всякимъ широкимъ политическимъ задачамъ" достоинъ самаго строгаго осужденія. Кого здѣсь поучаютъ и застращиваютъ? Кому нужны эти банальности? Къ чему это безсодержательное фразерство, въ которое такъ часто впадала старая „Искра", когда теперь нѣтъ ни одного соціалдемократа, который бы сомнѣвался въ такой азбукѣ, что нужны „общія руководящія идеи" и „широкія политическія задачи"?

„Мы" не хотимъ „образованія всероссійскаго Бунда съ его крѣпкой связью съ массами, но и съ узкимъ размахомъ и поверхностнымъ содержаніемъ его руководства пролетарской борьбой", „мы" нуждаемся „въ концентрированномъ воздѣйствіи всѣхъ сознательныхъ элементовъ соціалдемократіи на ‚стихійный' процессъ общественнаго развитія". „Узкій размахъ", „поверхностное руководство", „концентрированное воздѣйствіе" (вотъ такъ „словечко"!) — какъ все это напоминаетъ старую „Искру"! Съ тѣхъ поръ, какъ началась русско-японская война, въ Бундѣ дѣлаются всѣ усилія, чтобы использовать созданную ею ситуацію; кризисъ, безработица, мобилизація, безумное расточеніе крови и достоянія народа на Дальнемъ Востокѣ — все дѣлается предметомъ широкой политической агитаціи среди еврейской рабочей массы, въ то же время агитація ведется и по разнымъ другимъ поводамъ: по поводу царскаго „манифеста", интернаціональнаго соціалистическаго конгресса въ Амстердамѣ, якутской драмы и пр. и пр.; массовыя собранія, политическія забастовки, демонстраціи быстро смѣняютъ другъ друга, распространяя кругомъ атмосферу революціоннаго и политическаго возбужденія. А отвѣтъ еврейскаго пролетаріата на бѣлостокскую бойню показалъ всѣмъ воочію, что Бундъ уже обладаетъ тѣмъ аппаратомъ, которымъ приводятъ въ движеніе массы, аппаратомъ, безъ

котораго соціалдемократія не можетъ играть никакой политической роли. И ни ужасная атмосфера полицейско-антисемитскихъ науськиваній на евреевъ, ни даже погромы, ураганомъ пронесшіеся по всему району Бунда, не могли ослабить этой кипучей революціонной работы и парализовать энергію еврейскаго пролетаріата. Если все это не „широкій размахъ", то что же такое, наконецъ, этотъ таинственный „размахъ", которымъ насъ пугаютъ вотъ уже четыре года, но все упорно не показываютъ? Показали ли вы его хоть теперь, когда все кругомъ кричитъ: покажите наконецъ! Въ то время, какъ Бундъ волновалъ и двигалъ массы,—что вы дѣлали, наши строгіе судьи? Можно сказать ничего! Вы взывали къ „концентрированному воздѣйствію" и получили „концентрированное" бездѣйствіе, вы сѣяли „широкій размахъ" политическаго дѣйствія и пожали „широкій размахъ" политическаго покоя, вы кричали о глубокомъ содержаніи руководства пролетарской борьбой и стоите теперь передъ отсутствіемъ какого бы то ни было руководства, даже самаго поверхностнаго. Мы никого не обвиняемъ, мы знаемъ, что у васъ не было недостатка въ желаніи „воздѣйствовать" на „стихійный" процессъ общественнаго развитія, что теперешнее печальное положеніе есть результатъ долголѣтняго пскровскаго хозяйничанья, котораго нельзя устранить однимъ почеркомъ пера, но когда намъ бросаютъ въ лицо ни на чемъ неосновапное обвиненіе въ „узости" и „поверхностности", мы обязаны показать, какъ обстоитъ дѣло въ лагерѣ нашихъ размашистыхъ и глубоко забирающихъ обвинителей, мы обязаны показать, что ничто, ровно ничто не даетъ имъ права третировать Бундъ съ высоты своего сомнительнаго величія.

Психологически мы понимаемъ своихъ обвинителей, мы понимаемъ, что они хватаются за „широкій размахъ", какъ за средство для подавленія возникающихъ у нихъ самихъ сомнѣній и для успокоенія мятущагося духа своихъ сторонниковъ: дескать, вы указываете на Бундъ какъ на организацію, развивающую интенсивную дѣятельность въ

то время, когда у „насъ" тихо, — не смущайтесь этимъ, не обольщайтесь внѣшнимъ эффектомъ, которымъ можно увлекаться, только стоя на точкѣ зрѣнія буржуазнаго революціонизма, работа Бунда еще не настоящая работа, дѣйствительная ортодоксальная практика только впереди и начнется тогда, когда мы понесемъ въ массы идею широкаго размаха, которую мы разрабатываемъ вотъ ужъ столько лѣтъ и процессъ выработки которой уже близится къ концу. Такова психологическая подкладка обвиненія Бунда въ „поверхностномъ руководствѣ", но она, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить оправданіемъ для пристрастной и невѣрной оцѣнки „Искрой" бундовской работы.

Но есть ли у новой „Искры" дѣйствительно искреннее желаніе порвать со всѣми предразсудками искризма? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Авторъ статьи „По поводу новаго предпріятія" указываетъ на „слабость органической связи между верхами и низами", какъ на основную причину неустойчивости русской соціалдемократіи. Тов. Л. М. ему отвѣчаетъ, что корень зла не въ этомъ и что вообще не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ, что если искровцы и оторваны отъ массы — что, конечно, плохо, — то зато они имѣютъ талисманъ, который, въ концѣ концовъ, выручитъ ихъ изъ всѣхъ бѣдъ, это — „вѣрная" программа и „выдержанная" тактика, которая, впрочемъ, еще находится въ процессѣ выработки, а вотъ, когда этотъ процессъ выработки придетъ къ концу, тогда все остальное приложится: будетъ и масса, и связь съ нею и пр. Этотъ вредный убаюкивающій оптимизмъ, отвлекающій вниманіе людей отъ основной причины „злоключеній" „Росс. П.", сквозитъ въ каждой строчкѣ замѣчаній т. Л. М. Поэтому мало сказать подобно тов. П. Борисову—„опасность далеко не миновала", нужно еще сказать: опасность реставраціи даже той части „искровскаго наслѣдства", которая, повидимому, уже отброшена, еще вся на лицо и ни на іоту не уменьшилась, ибо сущность искризма еще жива.

Если въ идейномъ отношеніи „Искра" обнаруживаетъ

нѣкоторую здоровую тенденцію, пробивающую себѣ дорогу сквозь строй противорѣчій и возвращеній къ старому, то въ практической ея дѣятельности не замѣчается никакого прогресса; это вѣрно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ ея организаціонной политикѣ. Искровскія группы въ районѣ Бунда не занимаются никакой положительной работой и всѣ усилія свои направляютъ на внесеніе дезорганизаціи въ ряды еврейскаго пролетаріата, борющагося подъ знаменемъ Бунда. Какъ ведутъ себя эти группы, достаточно ясно видно изъ фактовъ послѣдняго времени; для примѣра укажемъ на то, что искровцы въ Минскѣ и Шкловѣ отказались участвовать въ забастовкахъ, устроенныхъ мѣстными организаціями Бунда для протеста противъ бѣлостокской бойни, а въ Шкловѣ нѣкоторые изъ нихъ даже подстрекали отдѣльныхъ рабочихъ, находящихся подъ вліяніемъ бундовской организаціи, не участвовать въ забастовкѣ. Скажутъ, что это все группы „большинства“, надъ которыми „Искра“ не властна, но фактъ тотъ, что она не сдѣлала ни одной попытки выступить противъ ихъ поведенія, а вѣдь не стѣсняется же она критиковать по другимъ поводамъ дѣйствія организацій „большинства“, напр., Одесскаго комитета. Мало того, помѣщенныя ею въ разное время корреспонденціи изъ Борисова, Одессы, Бѣлой Церкви, Житомира и др. мѣстъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что она вполнѣ одобряетъ и санкціонируетъ дезорганизаторскую дѣятельность искровскихъ группъ, основанную на распространеніи небылицъ, сплетенъ и клеветническихъ измышленій о „націонализмѣ“ Бунда и его стремленіи „обособлять“ еврейскій пролетаріатъ отъ русскаго.

Ту же политику „Искра“ рекомендуетъ для борьбы съ „большинствомъ“. Въ № 77 „Искры“ напечатана корреспонденція изъ Одессы, изъ которой оказывается, что Одесскій комитетъ отказался распространить листокъ, очевидно, „меньшинства“. По этому поводу редакція дѣлаетъ слѣд. характерное замѣчаніе: „Не можемъ не выразить своего удивленія по поводу того, что товарищи, привезшіе от-

вергнутыя Одесскимъ комитетомъ прокламаціи, не сочли своей *обязанностью* распространить ихъ *помимо* комитета" (курс. ред.). Итакъ, начинается старая игра временъ „Союза русскихъ соціалдемократовъ". Ради минутнаго успѣха рекомендуется дѣйствовать въ обходъ комитета и, такимъ образомъ, вносить въ него дезорганизацію, вмѣсто того, чтобы стараться постепенно измѣнить направленіе его политики. Въ области организаціонной политики „Искра", очевидно, ничего не позабыла и ничему не научилась.

Намъ остается еще отмѣтить одну крайне непріятную черту, начинающую пробиваться въ новой „Искрѣ" — въ одно и то же время симптомъ и слѣдствіе ея безпочвенности. Эта черта состоитъ въ постоянномъ подчеркиваніи того, что вотъ, молъ, мы вамъ уже покажемъ, мы васъ уже заставимъ то-то и то-то сдѣлать. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ статьи „Явленіе либераловъ народу" (№ 76 „Искры"). „Мы спрашиваемъ либераловъ прямо и рѣшительно, и мы сумѣемъ заставить ихъ дать народу столь же прямой и рѣшительный отвѣтъ на нашъ вопросъ". „Мы говоримъ это со всей энергіей, — и наши слова долженъ услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій либералъ". „Соціалдемократія приметъ вызовъ". Вѣдь либералы расхохотались бы, если бы передъ ними произнесли эти тирады. Они могли бы съ полнымъ основаніемъ возразить: „Господа! Такія слова обязываютъ. Можете ли вы ихъ подкрѣпить дѣйствіемъ, имѣете ли вы реальную силу для этого дѣйствія?" Что бы тогда осталось отъ самоувѣренности „Искры", если бы ей поставили въ упоръ такой вопросъ?

Въ заключеніе намъ остается сказать лишь очень немногое: первый шагъ, который долженъ быть сдѣланъ для того, чтобы сдвинуть русскую соціалдемократію съ мертвой точки, въ которую она попала, можетъ состоять только въ рѣшительной, искренней и полной ликвидаціи искризма.

ФАНТАЗІЯ и ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Въ статьѣ „Новѣйшая полемика Бунда“ (Искра, № 73) сдѣлана была единственная въ своемъ родѣ попытка доказать a priori, *не справляясь ни съ какими фактами*, что Бундъ въ своемъ развитіи „проходилъ черезъ тѣ же стадіи, что и вся партія“, т. е. „Росс. Партія“.

Въ своей аргументаціи авторъ исходитъ изъ трехъ основныхъ положеній.

Во-первыхъ, „Бундъ выросъ въ той же общественной обстановкѣ, въ которой выросли мы, питался одной съ нами политической культурой, развивался на одной и той же литературѣ“. Бундъ и „Росс. Партія“, съ перваго дня своего возникновенія, не переставали жить подъ однимъ и тѣмъ же самодержавнымъ небомъ, подъ властью одного и того же царя, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же умственныхъ теченій, и вдругъ ихъ судьбы сложились различно! „Росс. Партія“ переходила изъ одного „періода“ въ другой и стоитъ теперь передъ новымъ „періодомъ“, подлежащимъ столь же безпощадной „ликвидаціи“, какъ всѣ предыдущіе, а Бундъ органически развивался, неуклонно поднимаясь по восходящей линіи. Авторъ останавливается въ недоумѣніи передъ этой „загадкой“, вспоминаетъ, что „овесъ растетъ по Гегелю“, и рѣшаетъ, что это просто миѳъ, выдуманный влюбленными въ себя бундистами для посрамленія „Росс. Партіи“ и возвеличенія на ея счетъ своего „прихода“.

Если бы авторъ спустился на минуту съ высоты абстракціи на землю, если бы онъ заглянулъ, наприм., въ русскую Польшу и увидѣлъ бы, что въ той же „русской общественно-политической обстановкѣ“ выросли соціалистическія партіи, глубоко отличныя отъ „Росс. Партіи“ какъ по пройденнымъ ими стадіямъ развитія, такъ и по

„ошибкамъ“, въ которыя онѣ впадали въ разное время, онъ бы, можетъ быть, убѣдился, что „общественная обстановка“ достаточно широка для того, чтобы въ ней могли умѣститься самыя разнообразныя явленія, и что абстрактная ссылка на „общее политическое состояніе“ страны не только не даетъ ключа къ пониманію исторіи данной партіи, но своей убаюкивающей, столь привлекательной для „здраваго смысла“, простотой освобождаетъ отъ необходимости фактическаго анализа и заслоняетъ даже мало-мальски правильную постановку вопроса.

Во-вторыхъ, „дѣйствительная классовая политика пролетаріата можетъ развернуться лишь тогда, когда буржуазія является не только экономически эксплуатирующей, но и политически правящей силой“. Отсутствіемъ этого условія въ Россіи объясняются, по мнѣнію автора, переходы „Росс. Партіи“ отъ „экономизма“ къ „политицизму“ и вообще всѣ происходившія и происходящія въ ней „шатанія“ и „внутреннія тренія“. И авторъ опять съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, какимъ образомъ Бунду удалось перескочить черезъ это „противорѣчіе“ и при условіяхъ самодержавія сложиться въ дѣйствительную пролетарскую партію.

„Группа Освобожденія Труда“ въ своей литературѣ неоднократно проводила ту мысль, что въ Россіи при существованіи самодержавія возможно только накопленіе „элементовъ рабочей партіи“, образованіе же такой партіи она отодвигала въ свободную Россію. Этотъ взглядъ былъ неправильнымъ перенесеніемъ на Россію одного вывода изъ изученія исторіи рабочаго движенія въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ до паденія абсолютизма дѣйствительно не было никакихъ рабочихъ партій, а были только —мѣстами—„элементы“, необходимые для ихъ образованія. Ошибка „Гр. Осв. Труда“ станетъ понятна, если вспомнить, что въ моментъ ея возникновенія и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ послѣ этого совершенно отсутствовали въ Россіи признаки соціалдемократическаго движенія, если не считать единичныхъ соціалдемократовъ, которыхъ можно было перечесть по пальцамъ, и немногихъ, ничтожныхъ во

всѣхъ отношеніяхъ, соціалдемократически настроенныхъ группокъ.

Мысль объ „элементахъ рабочей партіи“ перешла на страницы „Искры“, гдѣ она уже фигурировала рядомъ съ противоположнымъ взглядомъ о возможности и необходимости сплоченія рабочихъ въ политическую партію еще при самодержавіи. Она высказывалась уже не съ той категоричностью, какъ въ произведеніяхъ „Гр. Осв. Труда“, а проскальзывала робко и нерѣшительно, временами, быть можетъ, противъ воли и сознанія редакціи. Это двусмысленное отношеніе къ традиціонному предразсудку объясняется, съ одной стороны, двойственнымъ положеніемъ литературной группы, *субъективно* стремившейся къ „построенію“ рабочей партіи, а *объективно* занимавшейся собираніемъ интеллигенціи, накопленіемъ „элементовъ рабочей партіи“, по терминологіи „Гр. Осв. Труда“, — съ другой, властно дававшей о себѣ знать логикой фактовъ, доказывавшихъ, что въ рабской Россіи можно организовывать, дисциплинировать и приводить въ движеніе массы, собирать ихъ вокругъ соціалдемократическаго знамени, отмежевывать отъ буржуазіи, вести въ борьбу на два фронта —съ капиталомъ и самодержавіемъ, сплачивать въ классовую политическую партію, словомъ вести классовую пролетарскую политику. Конечно, эта политика еще очень далека отъ „дѣйствительной“, если понимать подъ ней классовую политику въ ея чистомъ видѣ; но много ли вы найдете даже политически свободныхъ странъ, которыя могли бы похвастаться такой политикой? Почти вездѣ она болѣе или менѣе искажается, — гдѣ, какъ въ Австріи, національными конфликтами, гдѣ, какъ въ Америкѣ и Австраліи, расовой борьбой, гдѣ, какъ въ Германіи, остатками феодально-монархическихъ отношеній. Для того, чтобы классовая политика пролетаріата стала „дѣйствительной“ въ указанномъ выше смыслѣ, вовсе не достаточно, чтобы буржуазія достигла положенія „политически правящей силы“, нужна еще опредѣленная степень этой силы и опредѣленная степень демократизаціи государства. Но

если понимать „дѣйствительную классовую политику пролетаріата“, какъ ее, повидимому, понимаетъ авторъ, въ смыслѣ сочетанія „политики“ съ „чисто-классовымъ характеромъ“ движенія, иными словами, въ смыслѣ всесторонней самодѣятельности организованнаго пролетаріата, охватывающей области какъ политики, такъ экономики, то Бундъ эту задачу практически рѣшилъ, — рѣшилъ, конечно, несовершенно, ибо какое же совершенство возможно въ самодержавно-полицейскомъ государствѣ, но все-таки рѣшилъ. Онъ показалъ на опытѣ, что въ царской Россіи возможно объединеніе соціализма съ широкой массой. Онъ выполнилъ въ сравнительно небольшомъ масштабѣ то, что въ бо́льшемъ масштабѣ должна была выполнить „Росс. Партія“. И именно потому, что рѣшительныя событія все чаще сталкиваютъ „Росс. Партію“ лицомъ къ лицу съ невыполненной ею задачей, теперь снова выплываетъ, подъ новымъ соусомъ, все тотъ же предразсудокъ объ „элементахъ рабочей партіи“. Мы говоримъ: смотрите, вотъ Бундъ—живое свидѣтельство несостоятельности этого якобы „ортодоксальнаго“ взгляда, изучайте его исторію, вникните въ то, что происходитъ теперь въ Бундѣ передъ вашими глазами, быть можетъ это васъ научитъ тому, чему васъ не могли научить никакія „внутреннія тренія“. Мы указываемъ вамъ на безспорные факты, въ которыхъ только вашъ групповой эгоизмъ усматриваетъ „апологію“. Но „Искра“ въ лицѣ автора недовѣрчиво качаетъ головой: не можетъ быть, „овесъ растетъ по Гегелю“!

И тутъ мы подходимъ къ третьей предпосылкѣ.

„Въ какой области,—спрашиваетъ авторъ,—происходятъ всѣ наши ошибки, шатанія и прегрѣшенія? Въ области *примѣненія къ русской общественно-политической обстановкѣ* (курс. автора) обобщеній и выводовъ теоретическаго и практическаго опыта мірового соціалистическаго движенія“. Ergo,—умозаключаетъ авторъ,—„вы“ не могли избѣжать тѣхъ ошибокъ, въ которыя мы впадали и продолжаемъ впадать.

Что самая трудная вещь для соціалдемократіи не усво-

еніе „обобщеній и выводовъ теоретическаго и практическаго опыта мірового соціалистическаго движенія“, а ихъ примѣненіе къ дѣйствительности, и что именно въ этой области жизнь воздвигаетъ передъ нею всякаго рода препятствія,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но почему отсюда слѣдуетъ, что всѣ должны дѣлать одни и тѣ же ошибки и что вообще періодическое, можно сказать, закономѣрное грѣхопаденіе „Росс. Партіи“ обязательно для всякаго? Вѣдь примѣненіе примѣненію рознь, одни примѣняютъ плохо, другіе хорошо. Вѣдь примѣненіе въ данномъ случаѣ зависитъ не отъ индивидуальныхъ качествъ и личной воли того или другого соціалдемократа, а отъ качествъ и воли партійныхъ коллективностей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою исторію, прошла свой циклъ развитія. Гдѣ же основаніе для утвержденія, что различные по своему развитію и характеру партійные организмы должны въ своемъ функціонированіи приходить къ однимъ и тѣмъ же результатамъ? Ссылка на одинаковую для всѣхъ „общественно-политическую обстановку“, какъ мы уже показали выше, ровно ничего не доказываетъ, ибо „общественно политическая обстановка“ это столь широкая и эластичная среда, что въ ней могутъ развиваться, жить и дѣйствовать партійные организмы, не подвергаясь операціи приведенія къ одному знаменателю и не копируя рабски другъ друга. Вотъ, напр., англійскіе соціалисты, по примѣру своихъ товарищей въ другихъ странахъ, тоже занимаются примѣненіемъ къ англійской общественно-политической обстановкѣ „обобщеній и выводовъ“ мірового соціалистическаго опыта, и что-же? Въ результатѣ этого примѣненія мы имѣемъ въ Англіи цѣлый рядъ соціалистическихъ группъ, существенно различающихся между собою по своимъ тактическимъ пріемамъ: „Соціалдемокр. Федерацію“, „Независимую рабочую Партію“, „Фабіанское общество“ и пр.

Всѣмъ этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать, что Бундъ никогда не дѣлалъ ошибокъ; нѣтъ, онъ ихъ дѣлалъ, ибо какая же партія ихъ не дѣлаетъ? Но его ошибки быстро исправлялись давленіемъ снизу, отрезвляющимъ напоромъ

организованной массы, у „Росс. Партіи“ же никогда не было этого спасительнаго корректива въ видѣ „мускулистой руки“ организованнаго пролетаріата, и въ этомъ ея несчастіе.

Но, спрашиваетъ авторъ, что сдѣлали вы, „товарищи изъ Бунда“, въ области литературной разработки вопросовъ практической политики? И отвѣчаетъ, что Бундомъ въ этомъ отношеніи ровно ничего не сдѣлано, что онъ всегда жилъ паразитомъ на тѣлѣ литературной группы „Росс. Партіи“.

Во-первыхъ, это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Для примѣра укажемъ на брошюру „Объ агитаціи“, которую авторъ — вѣроятно, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ исторіей движенія въ Россіи—ставитъ на счетъ творчества своего „прихода“. Эта брошюра, составленная на основаніи наблюденій надъ еврейскимъ рабочимъ движеніемъ, написана человѣкомъ, работавшимъ среди еврейской массы, никогда ея не покидавшимъ и до сихъ поръ продолжающимъ работать въ Бундѣ; это, если можно такъ выразиться, чистый продуктъ „бундовской“ мысли. И нужно признать, что мало найдется брошюръ, которыя оказали бы такое вліяніе на русское рабочее движеніе, какъ именно эта, и ея вліяніе было бы гораздо больше, если бы не чисто-техническія затрудненія (въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она ходила только въ рукописи). Русскіе соціалдемократы сдѣлали изъ нея невѣрные выводы въ примѣненіи къ практикѣ, но въ этомъ виновата не брошюра, а отсталость русскаго рабочаго движенія, мѣшавшая имъ правильно оцѣнить ее. Во-вторыхъ, очень многое изъ литературнаго арсенала „Росс. Партіи“, какъ „Credo“, философія „Рабочей Мысли“, самобытныя теоріи о „стихійности“ и „сознательности“, полемика „меньшинства“ и „большинства“, не могло появиться въ Бундѣ по той простой причинѣ, что для этого рода произведеній у насъ не было почвы, что Бундъ въ общемъ стоялъ выше ихъ, что они представляютъ собой продуктъ не „движенія въ цѣ-

ломъ", какъ ошибочно думаетъ авторъ, а уродливаго развитія русской (а *не* россійской) соціалдемократіи.

Въ одномъ, однако, насъ можно упрекнуть — въ томъ, что мы слишкомъ мало отдавали силъ и времени критикѣ теоретическихъ и практическихъ заблужденій „Росс. Партіи", о чемъ — нужно сознаться — мы глубоко сожалѣемъ; но въ отвѣтъ на эти упреки мы можемъ сказать то же, что когда-то по аналогичному поводу сказалъ Бельтовъ Михайловскому: некогда было! Въ то время, какъ вы, оторванные отъ массъ, свободные отъ муравьиной работы, связанной съ дѣломъ организаціи пролетаріата, всецѣло занятые заботами о привлеченіи интеллигенціи, широко отдавались разработкѣ вопросовъ теоріи, мы себѣ такой шири позволить не могли: кропотливая и тяжелая работа организаціи массъ, обслуживаніе разнообразныхъ нуждъ массоваго движенія поглощали всѣ наши силы.

Кромѣ разобранныхъ нами трехъ основныхъ причинъ, авторъ указываетъ еще на нѣкоторыя „спеціальныя препятствія", наличность которыхъ еще болѣе убѣждаетъ его въ томъ, что Бундъ не могъ, выражаясь его словами, „построить въ чертѣ еврейской осѣдлости подлинно-пролетарскую тактику".

Соотвѣтствующее мѣсто статьи такъ хорошо отражаетъ въ себѣ пустозвонную сущность абстрактной аргументаціи автора, что мы приведемъ его цѣликомъ: „...этотъ фактъ (что еврейскій пролетаріатъ „неуклонно шелъ по соціалдемократическому пути") представится намъ тѣмъ болѣе чуднымъ, если примемъ во вниманіе, что въ районѣ дѣятельности Бунда почти нѣтъ фабрично-заводского пролетаріата, который составляетъ главную силу международной соціалдемократіи, вслѣдствіе чего Бундъ сосредоточиваетъ свои революціонныя усилія на ремесленныхъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ вообще очень живуча мелкобуржуазная психологія; если мы вспомнимъ, далѣе, что политическая территорія Бунда не захватываетъ большихъ городовъ, концентрирующихъ умственную и политическую жизнь, придающихъ движенію оформленность и ясность; наконецъ,

что надъ еврействомъ тяготѣетъ спеціальный гнетъ исключительныхъ законовъ, который, по общему правилу, долженъ затруднять дѣло развитія *классоваго* (курс. авт.) самосознанія пролетаріата".

Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ статьи не выступаетъ такъ рельефно характерное для автора оперированіе съ шаблонными формулами безъ всякаго вниманія къ тѣмъ измѣненіямъ, какія онѣ должны претерпѣвать, преломляясь сквозь призму той спеціальной среды, о которой идетъ рѣчь. Онъ твердо заучилъ, что мелкое ремесло есть источникъ мелкобуржуазной психологіи, но онъ упустилъ изъ виду, что этимъ свойствомъ обладаетъ только мелкое ремесло, унаслѣдованное нами отъ средневѣковья, что рядомъ съ исчезающими остатками ремесла докапиталистической эпохи концентрація капитала порождаетъ новую форму мелкаго ремесла, которая имѣетъ лишь внѣшнее сходство со старой отживающей, но существенно отлична отъ нея по своей экономической и политической роли, эта форма мелкаго производства есть продуктъ и необходимый спутникъ развитія капитализма: далѣе, онъ забылъ, что въ то время какъ рабочій средневѣковаго ремесла имѣлъ всѣ шансы стать со временемъ самостоятельнымъ хозяиномъ, стремился имъ стать и поэтому былъ проникнутъ психологіей мелкаго буржуа,—теперешніе ремесленный рабочій, въ общемъ, обреченъ на всю свою жизнь оставаться наемнымъ рабочимъ, не имѣетъ никакой надежды и чуждъ всякаго стремленія выбиться изъ этого положенія, а при отсутсвіи этого психологическаго момента мелкобуржуазная психологія не имѣетъ подъ собой никакой почвы; еврейскій ремесленный рабочій, по своему положенію въ производствѣ, не можетъ быть проникнутъ никакой иной психологіей, кромѣ пролетарской.

Но, говоритъ авторъ, „въ районѣ дѣятельности Бунда почти нѣтъ фабрично-заводского пролетаріата, который составляетъ главную силу международной соціалдемократіи!" Во-первыхъ, это фактически невѣрно, такъ какъ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ: въ Бѣлостокѣ и районѣ, Варшавѣ,

Лодзи, Минскѣ, районахъ кожевеннаго и щетиннаго производства и пр. — есть значительный контингентъ еврейскихъ фабричныхъ рабочихъ; во-вторыхъ, наличность среди еврейскаго пролетаріата значительной массы ремесленныхъ рабочихъ не имѣетъ и не можетъ имѣть тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыя мерещатся автору, мыслящему шаблонными формулами. Вѣдь фабрично-заводской пролетаріатъ не организуется въ соціалдемократическомъ смыслѣ самимъ процессомъ производства; преимущества его передъ ремесленнымъ пролетаріатомъ обусловливаются тѣмъ, что въ крупномъ производствѣ отношенія труда и капитала болѣе отчетливо и рѣзко выражены и что оно въ гораздо большей степени, чѣмъ мелкое производство, способствуетъ скопленію въ одномъ мѣстѣ большихъ массъ рабочихъ; поэтому *при всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ* фабрично-заводской рабочій оказывается болѣе воспріимчивымъ къ соціализму, чѣмъ рабочій ремесленный. Но въ томъ-то и дѣло, что всѣ остальныя условія сложились гораздо благопріятнѣе для еврейскаго рабочаго, чѣмъ для нееврейскаго, напр. русскаго. Въ то время, какъ ряды русскаго пролетаріата все болѣе и полняются выходцами изъ деревни, вносящими въ него элементы духовной неподвижности и отсталости, еврейскій пролетаріатъ рекрутируется исключительно изъ городского населенія, и притомъ населенія, два тысячелѣтія живущаго исключительно въ городахъ и достигшаго вслѣдствіе этого въ массѣ такой интеллигентности и умственной живости, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ остальныхъ слояхъ городского населенія; къ этому присоединяются еще особенности духовной физіономіи еврейства, которая, какъ говоритъ Каутскій*), „проявляется особенно въ выдающейся силѣ абстракціи и рѣзко выраженномъ критическомъ складѣ ума“; это именно „тѣ духовныя особенности, — продолжаетъ далѣе Каутскій, — которыя создаютъ изъ человѣка, безсознательно ведущаго классовую борьбу, сознательнаго соціалиста и этимъ даютъ

*) „Л. Б.“ № 3, Изъ печати. Письмо Каутскаго.

ему возможность эмансипироваться отъ буржуазіи въ своемъ мышленіи и своей соціальной и политической дѣятельности и, такимъ образомъ, подготовить свое общественное освобожденіе"; то же обстоятельство, что евреи, съ тѣхъ поръ какъ они лишились политической самостоятельности, „принадлежатъ въ своей совокупности къ угнетеннымъ классамъ", побуждаетъ ихъ отдавать „свою силу абстракціи, свои критическія способности преимущественно на службу революціонной мысли", дѣлаетъ ихъ особенно воспріимчивыми къ революціонному движенію и спеціально соціалистическому, если этому послѣднему мало-мальски благопріятствуетъ ихъ соціальное положеніе; не надо также забывать, что еврейскій пролетаріатъ, въ противоположность русскому, поголовно грамотенъ. Изъ всего этого получается такой огромный плюсъ, который значительно перевѣшиваетъ и ужъ во всякомъ случаѣ компенсируетъ тотъ минусъ, который вытекаетъ изъ принадлежности значительной части еврейскихъ рабочихъ къ ремесленному пролетаріату.

Наконецъ, говоритъ авторъ, „надъ еврействомъ тяготѣетъ спеціальный гнетъ исключительныхъ законовъ, который, по общему правилу, долженъ затруднять дѣло развитія *классоваго* самосознанія пролетаріата". Гнетъ исключительныхъ законовъ, отъ котораго страдаютъ всѣ классы даннаго народа, заставляетъ пролетаріатъ солидаризироваться съ буржуазіей въ виду общаго врага и становится на пути развитія пролетарскаго классоваго сознанія; въ томъ же направленіи дѣйствуетъ вражда между народами, являющаяся слѣдствіемъ правительственной политики, угнетающей одну національность и ставящей другую въ привиллегированное по отношенію къ ней положеніе—таковъ примитивный ходъ мыслей, въ концѣ котораго получается „общее правило", которое, однако, въ примѣненіи къ еврейской средѣ нуждается въ очень существенныхъ коррективахъ.

Безправіе, которое давитъ на всѣ классы еврейскаго народа, вызываетъ въ рабочемъ чувство нѣкоторой кровной

близости, братства по несчастью съ еврейскимъ буржуа. Для того, чтобъ это потенціальное чувство сдѣлалось дѣйственнымъ, требуется наличность, по крайней мѣрѣ, двухъ условій: чтобы буржуазія проявляла политическую активность; чтобы ея идеологія импонировала пролетаріату. Еврейство же въ Россіи представляетъ слѣдующую картину. На одной сторонѣ пролетаріатъ, прошедшій долголѣтнюю школу экономической борьбы, доведшей до высокой степени его антагонизмъ съ буржуазіей; пролетаріатъ, ведущій одновременно интенсивную политическую борьбу, питающійся соціалистической идеологіей, проявляющій свою боевую энергію въ рамкахъ широко-развѣтвленной, прочно укоренившейся организаціи; на другой сторонѣ буржуазія трусливая, забитая, разрозненная, политически индифферентная, не знающая никакихъ другихъ средствъ борьбы съ самодержавно-полицейскимъ произволомъ, кромѣ „докладныхъ записокъ", „депутацій" и традиціонной взятки, съ нескрываемой враждой всегда относившаяся къ еврейскому революціонному движенію и только въ послѣднее время начинающая то здѣсь, то тамъ выказывать ему тайное сочувствіе, какъ фактору, подрывающему самодержавіе; идеологія этой буржуазіи лишена какихъ бы то ни было революціонныхъ элементовъ, цѣликомъ исчерпывается безжизненнымъ національнымомъ, всѣ идеалы котораго лежатъ внѣ Россіи, и по самому существу своему кореннымъ образомъ противорѣчитъ потребностямъ еврейскаго пролетаріата. Если еще принять во вниманіе, что антисемитская политика самодержавія, благодаря своей грубой откровенности и циничной оголенности, въ высокой степени стимулируетъ политическое сознаніе еврейскаго рабочаго, оставляя въ его душѣ очень мало мѣста для непріязни къ нееврeямъ, что видно изъ той, можно сказать, поразительной, вполнѣ доказанной фактами, легкости, съ которой еврейскіе рабочіе сходятся на общей работѣ съ нееврейскими и солидаризируются съ ними по всякимъ поводамъ, — то мы поймемъ, что вредъ, который, теоретически говоря, гнетъ исключительныхъ законовъ долженъ наносить пролетаріату, затем-

няя его классовое сознаніе, на практикѣ, въ еврейской средѣ, значительно парализуется встрѣчными вліяніями.

Что касается замѣчанія автора, что „политическая территорія Бунда не захватываетъ большихъ городовъ“, то оно просто непонятно. Вильно, Минскъ, Рига, Одесса, Варшава, Лодзь, Бѣлостокъ,—все, кажется, значительные города, и входятъ они въ районъ Бунда. Правда, каждый городъ служитъ въ то же время центромъ, изъ котораго движеніе распространяется на большую или меньшую периферію мѣстечекъ, но видѣть въ этомъ обстоятельствѣ, составляющемъ счастливую особенность Бунда, создающемъ постоянный, неисчерпаемый источникъ революціонной энергіи и обезпечивающемъ движенію прочность и непрерывность, видѣть, говоримъ мы, въ этомъ обстоятельствѣ помѣху „оформленности и ясности“ движенія — значитъ обнаружить полное непониманіе жизни.

Изданія Бунда на русскомъ языкѣ.

(Списокъ неполный).

	сант.
Воззваніе къ еврейской интеллигенціи	20
IV съѣздъ Бунда.	30
25-й № „Арбейтерштимме“.	75
Къ вопросу о національ. автономіи и преобразованіи Р. С.-Д. Р. Партіи на федеративныхъ началахъ.	30
Къ вопросу о терроризмѣ.	30
Наши ближайшія организаціонныя задачи . . .	10
П. П. С. о еврейскомъ рабочемъ движеніи . . .	15
Къ вопросу объ орган. демонстрацій и празд. 1 мая.	20
Автономія или федерація?	10
Сіонизмъ и интересы еврейскаго пролетаріата. .	40
Резолюція V съѣзда о положеніи Бунда въ Партіи передъ судомъ патріотовъ искровской фирмы. .	10
V-й съѣздъ Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.	
Дѣятельность Бунда за послѣдніе 2 года (отъ IV до V-го съѣзда).	20
Революціонные сысойки (листокъ).	10
II съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. (отчетъ делегаціи Бунда).	50
VI-й сіонистическій конгрессъ въ Базелѣ. . . .	20
Домъ № 13, В. Короленко	30
Тайная докладная записка виленскаго губернатора о положеніи евреевъ въ Россіи.	40
Послѣднія Извѣстія, выходятъ еженедѣльно . .	15
„ „ съ пересылкой	20
Вѣстникъ Бунда, № 1-2, 3, 4, 5	40
Шифрованное письмо	2.50
Докладъ делегаціи Бунда Инт. Соц. Конгрессу въ Амстердамѣ	10
Якутская исторія, выпускъ 1-й	25
„ „ „ 2-й	30
„ „ „ 3-й	25
Якутскій процессъ, выпускъ 1-й	[illegible]
„ „ „ 2-й	25
„ „ „ 3-й	25